

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Рассматривается возможность существования индивидуального правового регулирования в форме правотворческой деятельности. Выделяется три формы проявления индивидуального правового регулирования в правотворческом процессе.

Ключевые слова: правовое регулирование, индивидуальное правовое регулирование, норма права, правотворчество, прецедент.

I.A. MINNIKES

*Doctor of Law, Professor,
Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk
e-mail: iaminnikes@yandex.ru*

INDIVIDUAL LEGAL REGULATION AND LAWMAKING ACTIVITIES

The article studies the possibility for individual legal regulation to be in a form of lawmaking activities. The author identifies three forms of manifestation of individual legal regulation in lawmaking activities.

Keywords: legal regulation, individual legal regulation, proposition of law, lawmaking, test case.

Возможность осуществления индивидуального правового регулирования в форме правотворческой деятельности — одна из самых спорных позиций в теории правового регулирования. Многие ученые категорически отвергают такую возможность. Так, С.Л. Вильховская утверждает, что трудно согласиться с попыткой некоторых авторов присвоить правоприменительному органу, выполняющему индивидуальное регулирование, правотворческую функцию [2, с. 15].

Но, как представляется, индивидуальное правовое регулирование может осуществляться и в форме правотворческой деятельности.

Правотворчеству как форме юридической деятельности предшествуют происходящие в обществе объективные процессы, связанные с нормообразованием и нормотворчеством.

Норма права — это основное средство нормативного правового регулирования. Возможна ли в этом случае хотя бы сама постановка вопроса о каком-либо проявлении индивидуального правового регулирования?

В российской юриспруденции достаточно давно обсуждается вопрос о возможности существования индивидуальных норм. В частности, интересны, хотя и не бесспорны,

исследования в этой области Т.В. Кашаниной [3; 4] и В.А. Муравского [9]. Автор настоящей статьи также высказывал свое мнение по данному вопросу [7]. Но проблема продолжает оставаться актуальной.

Следует отметить, что проблема индивидуальных норм гораздо сложнее, чем это кажется на первый взгляд. С одной стороны, представляется, что сторонники существования индивидуальных норм непозволительно широко используют само понятие «норма». С другой стороны, безапелляционное отрицание не разрешит проблему по существу и аргумент «нет, потому что этого не может быть» в данном случае неуместен.

Норма права обладает такими признаками, как нормативность, общеобязательность, формальная определенность, системность, гарантированность. Можно эти признаки распространить на индивидуальную норму, если таковая существует? Попробуем подойти к этому вопросу более детально.

На первый план здесь выдвигается такой признак, как нормативность, под которым следует понимать, что норма — это правило поведения общего характера, рассчитанное на многократное применение.

В случае с индивидуальной нормой очевидно, что ей не присущ общий характер и она не рассчитана на многократное применение. Но на основе нормы права субъекты конкретного правоотношения вырабатывают для себя именно модель поведения в конкретной ситуации. Речь идет о том, что из всех предоставленных нормой права вариантов поведения субъекты выбирают какой-то определенный (если варианты поведения предусмотрены) или действуют по установленному нормой права варианту поведения, но применительно к конкретной ситуации.

Думается, что зачастую возражения вызывает сам термин «индивидуальная норма», так как нормативность и индивидуальность — это противоположные свойства правового регулирования и смешивать их не следует. В этом отношении термин «микронорма», предложенный Т.В. Кашаниной, представляется более удачным, хотя и он небезупречен. Его можно понять как норма, меньшая по объему (логическому, содержательному, текстовому и т.д.), а это не выражает сути проблемы. Как представляется, более точным будет термин «индивидуальная модель поведения», который и предлагается ввести в научный оборот.

По поводу другого признака правовой нормы — общеобязательности — позиция была уже высказана ранее. Индивидуальные правила поведения не являются общеобязательными, а распространяются только на участников конкретного правоотношения.

Достаточно перспективным представляется вопрос о формальной определенности индивидуальных правил поведения. Профессор университета Пальма де Мальорка Г. Роблес в статье «Что такое правило?» высказывает мнение о том, что правило как таковое возникает с того момента, когда оно приобретает языковой характер. Подходя к проблеме с точки зрения философии лингвистического анализа, автор определяет правило как данное кем-либо языковое выражение. Форма выражения правила может быть конкретной или абстрактной [11, S. 325–328]. По сути, речь идет о текстуальном выражении индивидуального предписания или нормы права.

Индивидуальные модели поведения могут иметь текстуальное выражение (выражены в тексте, как правило, на бумажном носителе) и быть отражены либо в одностороннем акте (например в завещании), либо в договоре,

либо в правоприменительном акте. В то же время в ряде случаев закон не считает письменную форму обязательной. Следовательно, формальная определенность является лишь факультативным признаком индивидуальной модели поведения.

Еще более неоднозначная ситуация складывается при анализе такого признака, как системность. Применительно к норме права он выражается в том, что нормы права образуют объективно существующую систему правил поведения общего характера, которая характеризует внутреннее строение права. Кроме того, норма права обладает внутренней структурой, что также является проявлением признака системности.

О системе индивидуальных моделей поведения говорить, по меньшей мере, преждевременно. В настоящее время они представляют собой многочисленную, разрозненную массу, при упорядочении которой, прежде всего, необходимо будет установить системообразующие связи. При этом не вызывает сомнения то, что они входят в систему правовых средств и являются средством индивидуального правового регулирования.

Что же касается структуры индивидуальной модели поведения, то она, безусловно, существует и ее анализ может составить тему отдельного исследования.

И наконец, гарантированность является неотъемлемым свойством индивидуальной модели поведения, так как она основана на правовой норме и сформулирована в ее рамках.

Следовательно, из обязательных признаков правовой нормы к индивидуальным моделям поведения относится только гарантированность и в определенной мере системность. Факультативным признаком является формальная определенность. Кроме того, индивидуальная модель поведения обладает собственными признаками — она выработана на основе нормы права, предназначена для урегулирования конкретной ситуации и распространяется только на участников конкретного правоотношения.

Таким образом, индивидуальная модель поведения предназначена только для участников конкретного правоотношения, выработана на основе нормы права, гарантирована принудительной силой государства и, в случаях прямо предусмотренных законом, имеет форму акта-документа. Важно отметить, что

эту модель вырабатывают сами участники правоотношения.

Нормотворческие процессы становятся юридическими реалиями только тогда, когда их результаты получают конкретное выражение в тексте нормативного акта, т.е. процесс нормообразования находит свое отражение в правотворчестве.

Каким же образом в современных условиях индивидуальное правовое регулирование проявляется в правотворческой деятельности? Здесь можно выделить три формы:

Первая форма — наличие индивидуальных предписаний в тексте нормативно-правового акта.

На существование такого явления неоднократно обращали внимание российские и зарубежные ученые. «Многие нормативные акты, в первую очередь те, которые издаются органами государственного управления, содержат одновременно и нормы права, и предписания однократного действия, индивидуальные акты... Логика регулирования того или иного вопроса в сфере управления зачастую требует принятия одновременно и нормативных, и ненормативных предписаний, которые связаны между собой и взаимно дополняют друг друга... Кроме того, не все предписания достаточно четко можно отнести к разряду нормативных или, наоборот, ненормативных», — писал А.С. Пиголкин [10, с. 275].

Болгарский ученый А. Милкова очень точно отметила, что сложный характер диалектики нормативного и индивидуального в осуществлении правового регулирования проявляется иногда в рамках одного юридического акта, серьезно затрудняя определение его правовой природы [6, с. 71].

Признавая серьезность проблемы, важно отметить, что наличие индивидуальных предписаний в тексте нормативно-правового акта — это объективно-необходимые правовые реалии, которые имеют место в деятельности как федеральных правотворческих органов, так и органов субъектов федерации.

Вторая форма — издание конкретизирующего акта.

Почти полвека назад С.С. Алексеев отметил, что «практика правового регулирования указывает на необходимость усовершенствования принятых норм, их дальнейшего развития; выясняет такие стороны и последствия принятых норм, которые заранее не

были предусмотрены; оттачивает и уточняет отдельные положения действующих нормативных актов; обнаруживает необходимость издания дополнительных актов и актов, конкретизирующих данные нормы» [1, с. 87–88]. Обращается на это внимание и в современных исследованиях [5].

Думается, что эту проблему нужно рассматривать в двух аспектах.

Первый аспект — если конкретизирующий акт содержит в себе только нормы права, пусть и конкретизирующие по содержанию основную норму, это не является индивидуальным правовым регулированием. Само по себе издание нового нормативного акта, конкретизирующего по содержанию предыдущий акт новыми нормативными предписаниями, — это нормативное правовое регулирование.

Второй аспект — индивидуальное правовое регулирование имеет место только тогда, когда конкретизирующий нормативный акт содержит, наряду с нормативными предписаниями, и предписания индивидуального характера.

Вторая форма проявления индивидуального правового регулирования в правотворческой деятельности во многом схожа с первой и отличается лишь по временному фактору. В первом случае индивидуальное предписание изначально присутствует в тексте нормативного акта. Во втором случае оно появляется позднее — путем издания конкретизирующего акта.

Третья форма — прецедентное регулирование.

Автор настоящей статьи неоднократно высказывал свое мнение по данной проблеме [8]. Здесь хотелось бы остановиться на наиболее принципиальных моментах.

Первое — не каждое судебное решение является прецедентом. Прецедент только тогда становится источником права, когда в решении суда по конкретному делу *сформулирована новая норма права*. В этом случае прецедентное регулирование осуществляется на нормативном уровне в форме судебного нормотворчества.

И второе — сформулированный прецедент становится основой для вынесения последующих конкретных решений по данной категории дел.

Таким образом, прослеживается следующая закономерность — от индивидуального правового регулирования к нормативному

(от конкретного случая (случаев) к созданию нормы) и далее, от нормативного правового регулирования к индивидуальному (разрешение конкретных дел на основе созданной нормы). Следует отметить, что такая закономерность присуща правовому регулированию в целом. Особенность прецедентного регулирования состоит в том, что здесь данная закономерность проявляется в процессе судебного нормотворчества.

Рассматривать прецедент как источник российского права следует в двух аспектах:

– в первом случае прецедент должен рассматриваться как непосредственный источник права, т.е. надлежащим образом оформленное правовоположение, на которое можно ссылаться при принятии юридически значимых решений;

– во втором случае речь идет о влиянии прецедента на процессы правотворчества и правоприменения, а также на формирование юридической практики в целом.

Судебное правотворчество давно является реальностью в англосаксонской правовой системе и завоевывает все большие позиции в романо-германской правовой системе. Выработанные судебной практикой правовоположения являются составляющей правового регулирования. Они определенным образом обобщаются, публикуются и являются информационно доступными через периодические издания и информационно-поисковые системы. И наконец, судебные прецеденты имеют строгую иерархию. В российской юриспруденции прецедентами следует считать только решения высших судебных инстанций, что совершенно оправданно.

Прецедентное регулирование — это та грань, где наиболее тесно переплетаются нормативное и индивидуальное правовое регулирование. Именно это позволяет говорить о возможности выделения в теории права еще одного вида правового регулирования — *нормативно-индивидуального регулирования*.

Список использованной литературы

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.
2. Вильховская С.Л. Индивидуальное регулирование в процессе применения права // Сборник аспирантских работ: материалы ежегод. аспирант. конф. Свердловск, 1974. Вып. 17. С. 13–15.
3. Кашанина Т.В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере // Советское государство и право. 1992. № 1. С. 122–130.
4. Кашанина Т.В. Соотношение централизованного и децентрализованного правового регулирования // Правоведение. 1991. № 4. С. 54–64.
5. Мазуренко А.П. Правотворческая политика как фактор модернизации правотворчества в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011.
6. Милкова А. Юридические акты в социалистическом праве: понятие и система. София, 1984.
7. Минникес И.А. Об индивидуальной норме и индивидуальном правовом регулировании // Российский юридический журнал. 2009. № 5. С. 69–74.
8. Минникес И.А. О прецедентном регулировании // Российский юридический журнал. 2011. № 1. С. 120–126.
9. Муравский В.А. Актуальное право: происхождение, сущность, источники, соотношение с законом. Екатеринбург, 2004.
10. Научные основы советского правотворчества / под ред. Р.О. Халфиной. М., 1981.
11. Robles G. Was ist Regel? // Vernunft und Erfahrung im Rechtsdenken der Gegenwart. Berlin, 1986.

Referenses

1. Alekseev S.S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve. M., 1966.
2. Vil'khovskaya S.L. Individual'noe regulirovanie v protsesse primeneniya prava // Sbornik aspirantskikh rabot: materialy ezhegod. aspirant. konf. Sverdlovsk, 1974. Vyp. 17. S. 13–15.
3. Kashanina T.V. Individual'noe regulirovanie v pravovoi sfere // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1992. № 1. S. 122–130.
4. Kashanina T.V. Sootnoshenie tsentralizovannogo i detsentralizovannogo pravovogo regulirovaniya // Pravovedenie. 1991. № 4. S. 54–64.
5. Mazurenko A.P. Pravotvorcheskaya politika kak faktor modernizatsii pravotvorchestva v Rossii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Saratov, 2011. 51 s.
6. Milkova A. Yuridicheskiye aktovy v sotsialisticheskoto pravo: ponyatie i sistema. Sofiya, 1984.
7. Minnikes I.A. Ob individual'noi norme i individual'nom pravovom regulirovanii // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2009. № 5. S. 69–74.
8. Minnikes I.A. O pretsedentnom regulirovanii // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2011. № 1. S. 120–126.
9. Muravskii V.A. Aktual'noe pravo: proiskhozhdenie, sushchnost', istochniki, sootnoshenie s zakonom. Ekaterinburg: Izd-vo Gumanitarnogo un-ta, 2004. 444 s.
10. Nauchnye osnovy sovetskogo pravotvorchestva / pod red. R.O. Khalfinoi. M., 1981.
11. Robles G. Was ist Regel? // Vernunft und Erfahrung im Rechtsdenken der Gegenwart. Berlin, 1986.